

«Это была попытка глобальной державы, каковой являлся Советской Союз, изменить мир посредством изменения себя»

Выступление на презентации доклада «1985-2015. Ценности перестройки в контексте современной России»

У меня перед глазами стоит та картинка из советского телевизора. Мне тогда было 18 лет. Это явление Генерального секретаря на улице с людьми, которые просто разговаривают, потрясло, по-моему, очень многих. Даже совершенно неважно, что он говорил. Действительно, власть внезапно спустилась откуда-то - из бункера или с небес... Точнее, поднялась из бункера и спустилась с небес одновременно и вступила в разговор с обществом.

Очень символично, что именно эта дата (15 мая 1985 года) - в какой-то степени повод для сегодняшнего представления. Перестройка, мне кажется, действительно достойна гораздо более глубокого анализа, чем это было до сих пор. Потому что в памяти нескольких поколений наших сограждан, да и в мире перестройка осталась одним из самых интересных периодов истории.

Это было время усложнения картины. До перестройки, в годы идеологической конфронтации картина была, в общем, вынужденно довольно простой. Это имело некоторые свои плюсы с точки зрения стабильности международной системы, но в целом, имело очень много разных неприятных последствий. После перестройки сложность тоже начала уходить, причем, это произошло, практически, сразу...

Мне кажется, что такого богатства интеллектуальных дискуссий, которые велись в Советском Союзе в самом конце 80-х годов, ни до, ни после уже не было. До перестройки это было вроде как невозможно, а после перестройки возникло ощущение, что уже и не надо – уже ясно, куда идти.

То, о чем говорил, по-моему, Евгений Гонтмахер: нам нужна сейчас общенациональная дискуссия, как жить, - это чистая правда. Потому что эта

дискуссия должна была завершиться тогда. И если бы она тогда завершилась, может быть, судьба нашей страна была несколько иной. Но тогда она была прервана. Потому что распад Советского Союза и полный обвал всего просто создали совершенно другую повестку дня. Сначала был период острого кризис-менеджмента, когда считалось, что не до того, какие там рефлексии, выживать надо. Что отчасти было справедливо.

Потом наступил период некоторого потребительского успокоения, когда создалась другая иллюзия, что вроде как-то оно само налаживается, и слава Богу.

Сейчас мы в силу потрясений последних полутора-двух лет, но, конечно, не из-за них (они просто стали катализатором), исчерпали ту систему представлений, которая действовала. И сейчас мы столкнулись с той же самой дискуссией, которая не завершилась тогда.

Я всем всегда рекомендую - и своим студентам, когда доводится: то, что писалось в годы перестройки, достойно того, чтобы это перечитать. Некоторые вещи выглядят уже, конечно, наивными, но очень многие, причем разных авторов (совершенно не обязательно тех, кто тогда нам казался прогрессивным или наоборот), - гораздо глубже, чем мы тогда могли как-то понять.

Я занимаюсь международной политикой, поэтому для меня, конечно, перестройка прежде всего интересна тем, как она повлияла на международное положение России и мира. В этом смысле это тоже был совершенно уникальный период. Потому что это была попытка глобальной державы, каковой являлся Советской Союз, безусловно, – изменить мир посредством изменения себя. Попытка, которая не удалась. Потому что не удалось изменить себя, а мир изменился уже по-другому, уже без нас.

И, конечно, в этом смысле та Россия, которая появилась потом, и которая есть сегодня, другая. Главное, чем она отличается от Советского Союза, - это своей, извините за грубое выражение, местечковостью. Потому что горизонт сегодняшний у нас намного уже, чем горизонт, который был в

годы перестройки и к которому обращался, в том числе, Михаил Горбачев. Это не означает, что все было сделано правильно.

Мне кажется, что именно для того, чтобы смотреть вперед, надо все-таки очень трезво понимать, а почему тогда не получилось. И в том числе почему «не сработало» в международных отношениях, во внешней политике.

Мне кажется, тот порыв, в общем, очень идеалистический порыв Михаила Сергеевича Горбачева - эта идея общечеловеческих ценностей вместо ценностей, которые разделяют людей – не мог сработать с позиции слабости. Я считаю, что речь Горбачева в декабре 88-го года на Генеральной Ассамблее ООН – это одна из лучших политических речей конца XX века, достойна того, чтобы к ней возвращаться и перечитывать ее. По содержанию насколько она была глубокой и смотрящей далеко вперед. К сожалению, события пошли так, что ничего из этого реализовать ему уже не удалось. Но о многом из того, о чем Горбачев тогда говорил, потом заговорили уже все, но позже.

Оказалось, что сила идей недостаточна. Сила государства все-таки необходима для того, чтобы подкреплять силу идей и делать так, чтобы идеи имели вес на международной арене. В противном случае довольно беспощадная международная среда берет свое. И те принципы отношений, которые испокон века определяют межгосударственные контакты, все равно гораздо более реалистические, чем то, к чему апеллировала перестройка.

Мне кажется, что на следующем этапе нашего развития, который неизбежен, нужен очень четкий анализ баланса между ценностным и реальным подходом.

Вообще-то, что происходит сегодня, – в какой-то степени антиперестройка, то есть ее антипод. Маятник тогда зашел так далеко в одну сторону – идеалистическую, что потом он резко пошел обратно. То есть от светлого идеализма, немножко наивного, мы пришли к мрачному, очень замкнутому реализму, когда никто никому не верит. И здесь я отнюдь не склонен возлагать всю ответственность на нашу страну. Уж все постарались,

как могли... Наверное, иначе быть не могло, потому что так всегда и развивается.

Но мир сейчас изменился на самом деле не в том направлении, о котором думали после распада Советского Союза – когда казалось, что теперь торная дорога определилась и все понятно – а, скорее, в том направлении, о котором говорил Горбачев. То есть на мировой арене происходит усложнение – это совершенно очевидно. И общечеловеческие ценности под большим вопросом. Уже не потому, что Россия к ним принадлежит или не принадлежит, а потому, что весь мир фрагментируется, источник этих ценностей – западная цивилизация – сейчас переживает, мягко скажем, не лучшие времена, и неизвестно, что будет дальше.

Усложнение мира требует, безусловно, усложнения наших подходов, в то время, как мы пока что движемся в прямо противоположном направлении.

Я думаю, что главный урок перестройки не в том даже, что конкретно тогда предлагалось, а в том, что была сделана попытка взглянуть на мир с разных сторон и понять всю его сложность во взаимосвязи и многообразии. То, что остро необходимо сегодня не только нам, но и всем.

И поэтому я думаю, что доклад, который мы сегодня обсуждаем, открывает серию других докладов, возможно, более критичных в отношении того периода, – но вскрывающих механизмы этой многослойной и сложной мировой политики, к которой прикоснулся Горбачев. Если ему не удалось найти правильный способ, но это не значит, что способа нет.

28.05.2015